

Сергей Дробышевский

руководитель научного направления «Макроэкономика и финансы»
Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара, д.э.н., доцент

Русский, то есть непредсказуемый

КУРС РУБЛЯ СТАНОВИТСЯ БОЛЕЕ ВОЛАТИЛЬНЫМ И НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ, НО ЕГО РЕЗКОГО ПАДЕНИЯ ЖДАТЬ ВСЕ-ТАКИ НЕ СТОИТ

Руководитель научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара, д.э.н., доцент Сергей Дробышевский делится с Натальей Калиниченко своими мыслями относительно динамики курса рубля, ситуации на глобальных рынках и в российской экономике.

— Сергей Михайлович, хотелось бы услышать ваши прогнозы о состоянии глобальных рынков. Каковы риски для России и для рубля?

— По-прежнему мы находимся в ситуации высокой неопределенности, и перспективы выхода экономик всех ведущих экономических центров мира из той затяжной рецессии, которая наблюдается с 2008 года, пока не видно. Я думаю, в ближайшие два-три года темпы роста (по крайней мере, и Европы, и Японии) будут близки к нулю. В США они будут несколько выше, тем не менее прогнозы о выходе американской экономики из кризиса и начале новой волны экономического роста США, на мой взгляд, не совсем оправданны. Очевидно, будет замедляться экономика Китая, хотя, когда мы говорим о замедлении именно этой экономики, нужно понимать, что речь идет о снижении темпов роста с 9–10% до 7–7,5% в год. А это для большинства стран мира — предел мечтаний.

Замедление влияет на общемировые темпы роста на фоне стагнации других центров, тем не менее китайский рост остается высоким, и какого-то кризиса там я не ожидаю.

Что отсюда следует для России. Во-первых, нерадужный прогноз для глобальной экономики в целом означает, что условий для ускорения роста российской экономики, для повторения успеха начала 2000-х годов, нет. Наши бизнесмены являются частью глобальной экономики, поэтому, когда они думают, что и в каких объемах им производить, на каких рынках продавать, то пользуются той же информацией и ведут себя так же, как бизнесмены из стран Европы и США. Когда общемировая ситуация неустойчива, они себя тоже ограничивают, ожидая того момента, когда станет больше определенности в отношении восстановления экономического роста и нового периода усиления экономической активности. То есть внешние факторы

для темпов роста экономики России негативны. Это не означает, что Россия должна войти в кризис, просто здесь нет позитивных факторов, которые способствовали бы росту.

Второе. Россия по-прежнему остается страной из категории развивающихся рынков. Очевидно, что когда неопределенность в мире высока, то все экономики и рынки такого рода большинством глобальных инвесторов оцениваются как более рискованные, нежели экономики стран, эмитирующих резервные валюты. Таким образом, ожидать мощного притока иностранного капитала в Россию нам не стоит. Не только потому, что у нас имеются внутренние проблемы, но и просто потому, что не следует ожидать притока капитала из развитых стран в развивающиеся. Россия в этом случае — лишь один из ряда *emerging markets*.

Все это в целом создает отсутствие позитивного фона для экономического развития. В такой ситуации мы можем развиваться только теми темпами, которые способны сформировать у себя внутри страны. Кроме того, очевидно, что Россия может периодически испытывать какие-то шоки с точки зрения движения капиталов, отношения инвесторов к нам в связи с тем, что все глобальные инвесторы в целом ведут себя очень осторожно, предпочитают не рисковать. Если переводить это в более приземленную область, это означает, что колебания курса рубля в ближайшие год-два возможны. Я не думаю, что эти колебания могут быть очень сильными, поскольку не ожидаю кризиса и такого падения курса рубля, каким оно бывает во время кризиса. Но краткосрочные колебания [в связи с тем, что капитал под влиянием каких-то настроений пришел на развивающиеся рынки, в том числе и Россию, а через какое-то время ушел] — вполне вероятны.

— Какие факторы влияют сегодня на курс рубля?

— Основных факторов три. Первый фактор связан с тем, что междуна-

родный капитал движется достаточно хаотично и то приходит в Россию, то уходит. Это в отдельные периоды создает впечатление либо падения курса, либо укрепления. Так случилось после заявления министра финансов в июне нынешнего года после Петербургского международного экономического форума — буквально на следующей неделе произошло заметное снижение

Россия по-прежнему остается страной из категории развивающихся рынков. Очевидно, что когда неопределенность в мире высока, то все экономики и рынки такого рода большинством глобальных инвесторов оцениваются как более рискованные, нежели экономики стран, эмитирующих резервные валюты.

курса рубля, связанное с неким эмоциональным отношением инвесторов к ситуации.

Второй фактор связан с нашим текущим счетом операций, с нашим торговым балансом. Поскольку цены на наши основные сырьевые экспортные товары либо не растут, как на нефть, либо снижаются (как на металлы), то импорт увеличивается. Прогноз цены на нефть в диапазоне от 85 до 100 долларов на следующий год вполне реалистичен. На конкретные значения влияет очень много факторов. Это и сохранение неопределенности в арабском мире, и сроки выхода США из программы количественного смягчения, и климат, в том числе — то, какая будет зима и какой будет спрос на наш газ. Диапазон 85 долларов — достаточно средний прогноз. Это означает стабильность цен. На металлы, думаю, цены несколько подрастут, поскольку (по крайней мере, в американской экономике) возможно некоторое улучшение ситуации. А металл — это такой товар, на который расширяется спрос при увеличении инвестиционной активности. В любом случае экспорт останется стабильным.

Или может несколько измениться — но никак не возрастет.

Импорт же продолжает увеличиваться, поскольку реальные доходы населения пока повышаются, и мы покупаем, в том числе, больше импортных товаров. Таким образом, торговый баланс (точнее, счет текущих операций России) ухудшается — и этот фактор способствует в настоящий момент ослаблению

курса рубля. Если первый фактор — международный — это краткосрочный фактор, то ситуация с торговым балансом — среднесрочный фактор. Краткосрочный может действовать в обе стороны в зависимости от конкретного месяца. Среднесрочный фактор — ухудшение торгового баланса — действует на ослабление рубля. Но в то же время есть все-таки и долгосрочный фактор — тенденция в принципе к укреплению курса рубля, поскольку это экономический закон, что в любой экономике, по мере того, как она развивается, становится сильнее и богаче, национальная валюта укрепляется по отношению к другим валютам. Это тренд, который начался у нас с 1995–1996 годов, прерывался кризисом, но практически на протяжении 20 лет он действует. И этот фактор в течение 10–20 лет точно продолжит свое действие.

Соответственно, когда мы говорим о том, как курс доллара будет меняться к рублю до конца года, надо понять, что на результат действуют три разнонаправленных фактора. И если грубо арифметически их сложить, результат будет равен нулю. Но краткосрочные колебания могут быть достаточно силь-

ны — рубль-два, например, а это порождает иногда беспокойство населения, дополнительные скупки.

Конечно, колебания возможны. Но если мы говорим о более долгосрочном плане, то есть тенденция к укреплению рубля и пока — к ослаблению торгового баланса.

— Как вы считаете, рубль переоценен сейчас?

— Трудный вопрос. На протяжении десятилетий рубль, конечно, недооценен. Есть известный показатель ППС — паритет покупательной способности,

Есть все-таки и долгосрочный фактор — тенденция в принципе к укреплению курса рубля, поскольку это экономический закон, что в любой экономике, по мере того, как она развивается, становится сильнее и богаче, национальная валюта укрепляется по отношению к другим валютам.

который показывает, каков курс рубля к доллару, если мы хотим купить одинаковую корзину товаров за рубль и доллар. Если мы сравним ППС и курс рубля, то рубль с этой точки зрения недооценен. Но процесс сближения этих показателей — процесс десятилетий. Если мы говорим о ситуации в июле 2013 года с учетом состояния наших инвестиционных мощностей, производительности труда, то тогда можно сказать, что рубль если не переоценен, то, по крайней мере, находится на пределе того уровня, который позволяет нашей экономике оказываться конкурентоспособной. Но это решаемо за счет модернизации, за счет повышения эффективности производства, снижения издержек и т.д.

— Ваши прогнозы по торговому балансу?

— Сейчас он положительный, скажем так, — слабо положительный. И скорее всего, на протяжении ближайших полутора лет будет стремиться к нулю. Я не думаю, что за полтора года он станет отрицательным.

— Насколько влияет на курс рубля падение спроса на экспорт энергетических товаров из России?

— Если говорить об энергетических товарах, то я бы не сказал, что есть сильное снижение спроса на них. Если мы посмотрим на динамику экспорта наших энергетических товаров, не за два года — за 2012–2013, — а, условно говоря, с 2010 года, то увидим, что максимум экспорта приходился на 2011 год, и он был связан с аномально холодной зимой 2010–2011. За счет этого периода «Газпром» и наши нефтяные компании осуществляли

максимальный объем экспорта в страны Европы. И когда мы смотрим динамику, то замечаем, что экспорт два года подряд падает, это правда. Но если мы сравним с объемами экспорта 2007, 2008, 2009 годов, то убеждаемся, что экспорт ресурсов из России не уменьшился. Просто в 2010 году был положительный выброс экспорта, с которым мы сейчас сравниваем показатели.

— А не действует ли еще и такой фактор, как вытеснение России с энергетических рынков?

— В Европе вытеснение имеет место. С другой стороны, Россия расширяет свое присутствие в Азии. В целом нашему экспорту сырьевых товаров в ближайшие год-полтора-два ничего не угрожает. Фактор, который влияет достаточно сильно, — это климат. Если эта зима в Европе выдвнется крайне теплой — соответственно, наши энергоресурсы не будут востребованы — тогда эффект вытеснения и в принципе невозможность нашего масштабного экспорта

в Европу — скажутся отрицательно. И такое масштабное падение экспорта в Европу вряд ли можно будет заменить расширением экспорта в Азию. Если же зима будет холодной, то по итогам 2013–2014 года мы можем в целом получить и рост экспорта ресурсов. Просто очень много таких факторов, которые накладываются друг на друга, а вытеснение — процесс многих лет. Нельзя говорить о вытеснении по тенденциям нескольких месяцев.

— Что касается оттока капитала и динамики курса доллара — как эти факторы влияют на курс рубля?

— Отток капитала определяется в значительной степени общеглобальной неопределенностью, и он будет происходить, пока не стабилизируется ситуация в мировой экономике. Причем оттоки могут сменяться иногда и краткосрочными притоками. Это влияет на то, что курс рубля становится более волатильным, непредсказуемым. Поскольку Россия — развивающаяся страна, то в ситуации неопределенности мы, скорее, должны смириться с оттоком капитала, чем ожидать его притока.

Что касается курса доллара, он укрепляется не только к рублю, но и практически ко всем валютам стран мира, поскольку доллар остается одной из самых привлекательных валют, даже по сравнению с евро, с франком, с иеной и так далее.

— Некоторые аналитики считают, что в сырьевой стране, каковой является Россия, не стоит копировать монетарную политику развитых государств по ослаблению национальной валюты, отказываясь от контроля за инфляцией. Поскольку в условиях нестабильных цен на экспортные товары затраты, связанные с инфляцией, будут слишком высоки и приведут к потере инвестиционной привлекательности страны. Что вы думаете по этому поводу?

— Я согласен с тем, что России не стоит копировать ту модель монетарной политики, которая проводится в ФРС США или в Европе — модель

количественного смягчения, низких процентных ставок и так далее. Здесь одним из факторов является наша сырьевая направленность. Если западные власти таким образом борются с проявлениями бизнес-циклов, то у нас основная проблема — проявление колебаний цен наших экспортных товаров, которые, в отличие от бизнес-циклов, не являются управляемым, или по крайней мере воздействуемым параметром. Это — некая данность, которую мы вынуждены воспринимать с мирового рынка. Кроме того, основная проблема этих стран — не свалиться в дефляцию, поскольку в нижней части бизнес-цикла, когда экономическая активность невысока, эти страны близки к дефляции — к снижению цен. Поэтому они могут проводить крайне мягкую кредитно-денежную политику, чтобы немного стимулировать инфляцию. Без этого стимулирования инфляция будет равна нулю, а отрицательная инфляция тоже плоха для экономики. У нас же инфляция остается на значительно более высоких уровнях, чем она находится в развитых странах или странах аналогичного с нами уровня экономического развития.

Во-вторых, экономические агенты еще не забыли тот период, когда инфляция была в принципе высока, и любое движение правительства, которое может породить инфляцию, вызывает серьезные опасения у всех бизнесменов, они начинают пересматривать свои ценники, то есть сами провоцируют инфляцию — то, чего нет в развитых странах. Если мы начнем проводить слабую денежную политику, то можем запустить инфляцию, даже если к ней нет предпосылок изначально.

И в-третьих, не надо забывать, что у нас есть еще такой фактор инфляции, как регулируемые цены и тарифы монополий, которые растут опережающими темпами — это поддерживает достаточно высокий уровень

инфляции в стране. Поэтому у нас той задачи, которая есть у денежных властей развитых стран — перейти от нулевой к какой-то положительной инфляции, — нет. Наша задача по-прежнему — снижать инфляцию до того уровня, до которого развитые страны пытаются ее поднять, — 2–3% в год.

— Каковы ваши прогнозы на ближайшие месяцы — что будет с инфляцией, с оттоком капитала, с курсом рубля, то есть какова будет динамика всех основных параметров и в зависимости от какого развития событий? — Я думаю, до конца года инфляция будет ниже, чем в первом полугодии. Таким образом, в этом году мы

будем иметь инфляцию на уровне 6,2–6,4% — то есть на уровне или совсем немного ниже прошлого года, — и выше целевого диапазона. Хотя очень важен урожай этого года. Если урожай будет хорошим, то на одну-две десятых процента инфляция будет ниже. В следующем году условия для снижения инфляции есть, если мы говорим про политику денежных властей. Но многое зависит от того, как правительство решит регулировать цены монополий, ЖКХ и т.д. Тот прогноз, который на данный момент существует у Минэкономразвития, — темпы роста услуг ЖКХ крайне высоки, так же как и регулируемых цен на электроэнергию, газ, связь, на перевозки. И при таком повышении регулируемых цен ожидать снижения инфляции крайне трудно.

С нашей точки зрения снижение инфляции — одна из ключевых задач, противоположную которой решают практически все страны мира. И до тех пор, пока ЖКХ и естественные монополии не продемонстрируют реструктуризацию внутри себя, повышение эффективности, прозрачности, при этом давая отчет о том, как тратятся деньги, которые платит население, — просто повышать такими темпами тарифы абсолютно неразумно, поскольку мы как потребители просто даем монополиям деньги, а качество их услуг только ухудшается.

Курс до конца года должен остаться на текущем уровне — может быть, до

Все же европейский эксперимент — евро — за двадцать лет с момента принятия решения о его создании и за десять лет своего существования не показал, что единая валюта — это очень эффективный инструмент и обязательный следующий шаг на пути интеграции экономик. Присутствие таких стран, как Греция или Португалия, в зоне евро, скорее, оказалось отрицательным фактором и для самих этих экономик, и для зоны евро.

конца года возможно небольшое ослабление. Прогноз крайне трудно делать, поскольку мы не знаем, как изменится ситуация в каждом конкретном месяце. Вдруг еще какой-то европейский банк в конце декабря окажется в проблемной ситуации, что приведет к оттоку капитала со всех рынков — в этой ситуации рубль может неожиданно ослабеть, хотя без такого события никаких предпосылок к ослаблению нет.

Отток капитала снизится, поскольку ресурсов, которые «утекают», становится меньше. По году — максимум 45 млрд долларов. За первое полугодие было 32 млрд. Во втором полугодии еще где-то 10–15 млрд долларов, не больше. Таким образом, в целом за год цифра, конечно, большая — в районе 45–50 млрд долларов. Практически повторяет

показатель прошлого года, немного поменьше.

Рост экономики, по нашим оценкам, будет в пределах 1,8–2,4%. Но последняя цифра — самая верхняя, благоприятная оценка, на которую могут повлиять и урожай, если он будет вдруг очень хорошим, если климатические условия так сложатся, что мы с ноября-декабря сможем наращивать экспорт товаров в Европу, например. Вероятнее всего, рост будет где-то в районе 2%.

— Создание единой экономики для России, Белоруссии и Казахстана предполагает переход к единой валюте на базе российского рубля. Некоторые аналитики считают, что

резкая и глубокая девальвация подрвет доверие к рублю на много лет вперед.

— Я не согласен с тем, что создание таможенного союза и дальнейшая интеграция наших экономик обязательно должно привести к переходу на единую валюту.

Все же европейский эксперимент — евро — за двадцать лет с момента принятия решения о его создании и за десять лет своего существования не показал, что единая валюта — это очень эффективный инструмент и обязательный следующий шаг на пути интеграции экономик. Поскольку в любом случае Белоруссия, Россия и Казахстан — экономики достаточно

разные, то интеграция дает возможности использовать возможности каждой из экономик, и поэтому именно различия между ними наиболее ценны для таможенного союза или наиболее тесного объединения в целом. Точно так же и Европа. Присутствие таких стран, как Греция или Португалия, в зоне евро, скорее, оказалось отрицательным фактором и для самих этих экономик, и для зоны евро как интеграционного объединения. Я не думаю, что нам стоит повторять такой опыт. И аргументов, что мы должны обязательно двигаться в сторону унификации валюты, пока нет. Каждая страна может оставаться со своей валютой, вопрос — в

развитии финансовых рынков, в развитии оборотов торговли — это позволит если не полностью устранить, то минимизировать издержки обмена одной валюты в другую. Но издержки того, что мы создаем, по сути, искусственную единую валюту, могут быть значительно выше. Европейский опыт показывает: принятие единой валюты (в 70–80-х годах казалось очевидным, что это — следующий шаг интеграции, новая ступень интеграционных объединений) это ошибочное положение. Наше объединение — одно из многих вариантов. Думаю, надо очень серьезно подумать, вводить ли единую валюту, на какой стадии, стоит ли вообще этим заниматься и т.д.

— Перед ЦБ поставлена цель по снижению стоимости кредитов, чтобы оживить экономику. Какие способы может применить ЦБ?

— Административные меры применять не стоит. Здесь несколько перевернута экономическая логика. Поскольку, говоря о снижении стоимости кредитов, мы все время подразумеваем, что банки устанавливают такую стоимость кредита, чтобы кредиты никто не брал. На самом деле проблема в том, что банки в связке заемщик/кредитор — все-таки ведомые. И банки — не враги себе, чтобы устанавливать запредельные ставки, чтобы у них никто не брал кредиты. Одна из проблем нашей экономики в настоящее время — не стоимость кредитов, а отсутствие заемщиков и инвестиционных проектов, под которые они хотели бы взять кредиты. Это мнение многих, в том числе и практикующих банкиров. Если у них есть заемщик, которому можно верить, у которого есть хороший инвестпроект, то они конкурируют за него и предоставляют ему кредит под ставку ниже тех, которые обычно озвучивают.

Проблема в том, что заемщиков мало. И, соответственно, банки вынуждены держать такие процентные ставки,

чтобы к ним не пошел вал заемщиков, у которых проектов нет, но есть желание взять дешевые деньги. Любое искусственное ограничение процентных ставок, когда банк заставляют снизить ставки, породит ситуацию ухудшения качества кредитного портфеля, повышения рисков банковских банкротств и кризиса.

— Какие меры могут быть применены ЦБ?

— Проблема не в банковском, а в реальном секторе. Следовало бы оживить активность компаний, предприятий малого бизнеса, которые в текущих условиях испытывают сильное административное давление, коррупцию и т.д. Но ЦБ не может оживить спрос со стороны малого бизнеса. И малый бизнес не берет кредиты не потому, что они дороги, а потому, что он боится расти — если он становится больше, то оказывается более привлекательным для силовых и других структур, которые пытаются на него воздействовать. ЦБ не может это изменить.

— Как повлияет смена руководства ЦБ на курсовую политику?

— Я надеюсь, преемственность останется. ЦБ много лет идет к режиму инвестиционного таргетирования, то есть ситуации, когда в первую очередь стремится гарантировать стабильность цен в стране, а не стабильность обменного курса. И в сегодняшней ситуации эта политика вполне оправдана, в данном случае преемственность сохранится.

— Как вы относитесь к созданию мегарегулятора на финансовом рынке? Какие плюсы и минусы видите в этом решении?

— Скорее положительно, хотя очень трудно с учетом российских реалий, российского опыта создания и запуска всяких благих решений предвидеть, что в результате у нас получится.

Международный опыт различен — в ряде стран мегарегулятор есть, в ряде стран его нет. Сказать, что есть некое универсальное решение, нельзя. Любой вариант может хорошо

работать — как с мегарегулятором, так и без. Мегарегулятор — это тенденция современного регулирования финансового сектора после кризиса 2008–2009 годов, когда стало понятно, что нельзя регулировать отдельно коммерческие банки, отдельно — инвестиционные банки, отдельно — страховые компании. Все эти участники между собой достаточно сильно взаимосвязаны, и лучше мониторить риски, которые возникают в финансовом секторе, из одного центра, а не разделять, закрепляя каждый сегмент финансового сектора за своим регулятором. И это при том, что они плохо взаимодействуют между собой. Плюс — мы создаем некий единый орган, который будет видеть ситуацию во всем финансовом секторе в целом, видеть все риски, независимо от того, в каком сегменте они возникли, принимать в этой связи эффективные решения, которые не дают распространяться проблемным явлениям по всему финансовому сектору.

С точки зрения недостатков — в России изначально степень регулируванности и качество надзора за разными сегментами было различным. Поскольку процесс создания мегарегулятора стремителен, то вполне возможно, что какое-то время ситуация никак не изменится, поскольку быстро решить проблемы разного качества регулирования различных сегментов нельзя. Поэтому те недостатки, которые были раньше, сохранятся.

Второе — вопрос, как распределятся в рамках мегарегулятора позиции тех, кто занимался банковским надзором и, соответственно, надзором за финансовым рынком. Подходы должны быть действительно разными. И если сложится ситуация с точки зрения кадровой политики, что одна из групп будет доминировать, то это на горизонте ближайшего времени может иметь негативные последствия.

Разные секторы регулируются по-разному, и если люди из одной отрасли начнут заниматься регулированием того, чем они раньше не занимались, это может привести к падению качества регулирования. Если к другим секторам финансового рынка будет применен тот подход, что применялся для банков, это ухудшит регулирование. Через какое-то время станет ясно, что так нельзя. К сожалению, очень многие решения по реформированию чего угодно у нас иногда приводят к таким проблемам.

Вопрос к обществу, к политикам, вопрос, насколько мы адекватно оцениваем, где действительно имели место ошибки правительства, а где правительство сделало все, что могло, но за пределы каких-то объективных ограничений экономика все равно выйти не может. Вопрос стоит об адекватности оценок правительства и тех обещаниях, целях, которые оно ставит.

Плюс статус мегарегулятора. Во многих странах мегарегуляторы являются независимыми органами государственного управления. У нас же мегарегулятор создается в рамках ЦБ. Возникает вопрос, насколько высок статус нашего мегарегулятора. Ведь никто не оспаривает статус SEC, поскольку он равен ФРС. У нас же непонятно, насколько мнение бывшей Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг будет влиять на принимаемые решения.

— Как вы оцениваете ситуацию с ростом экономики в целом?

— Ситуация в экономике в целом остается очень тяжелой в связи с тем, что Россия является частью мировой экономики. А если последняя стоит на распутье, то наши собственные усилия — политика правительства, ЦБ — конечно, могут изменить ситуацию, но все-таки лишь частично. Я не верю,

что в ситуации, когда мировая экономика стагнирует, можно предпринять какие-то чудодейственные меры, чтобы Россия смогла демонстрировать высокие темпы роста, развиваться так, как нам хотелось бы. Задача правительства — улучшать экономическую ситуацию, оно вынуждено пытаться что-то сделать, чтобы что-то изменить. Вопрос дальше в том, насколько адекватно рассматриваются результаты действия правительства.

С одной стороны, в 2000-е годы, когда на десятки процентов росли цены на

и тех обещаниях, целях, которые оно ставит. Если оно будет принимать на себя какие-то нереализуемые обязательства, то само себя подставит. И через какое-то время правительство может быть обвинено в том, что не так работает, поскольку оно согласилось взять на себя заведомо невыполнимые обязательства, — хотя бы по тем же темпам экономического роста или по объемам новых инвестиций.

Вот по инфляции ориентир, наверное, выполнить можно, если не поднимать цены на товары монополий, которые очевидно растут быстрее, чем этого требуют низкие уровни инфляции. А с точки зрения объемов экспорта либо темпов экономического роста — здесь правительство, конечно, может пытаться что-либо изменить. Но надо понимать, что состояние мировой экономики ставит пределы. □

нефть, к нам приходили иностранные инвесторы, создавали здесь заводы, расширялся спрос, выпускались новые товары — автомобили и т.д. Экономика росла. Каков был вклад правительства в это? Оценить очень трудно. Так же и сейчас.

Правительство может предпринять очень многие правильные шаги, но из-за того что ситуация в стране сейчас другая совсем, это не может вылиться в рост на 4–5% в год. Но вины правительства в этом нет. Правительство сделало все, что могло. Дальше вопрос к обществу, к политикам, вопрос, насколько мы адекватно оцениваем, где действительно имели место ошибки правительства, а где правительство сделало все, что могло, но за пределы каких-то объективных ограничений экономика все равно выйти не может. Вопрос стоит об адекватности оценок правительства